

Анатолий Валентинович Наумов

главный научный сотрудник НИИ Университета прокуратуры РФ,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Author ID 105545 SPIN-код 8488-0577

DOI 10.52390/20715870_2022_3_25; УДК 343.2; ББК 67.408

КОНЦЕПЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ИЛИ ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ?

Аннотация. Анализируя обсуждавшиеся на организованной Советом Федерации РФ научной конференции «О проекте концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации» предложения, автор приходит к выводу о том, что концепция уголовной политики нужна, но не в качестве уголовного закона (да и вообще закона), а в другой форме – доктринальной, как концентрированное обобщение научных взглядов на понятие, пределы и основания уголовной ответственности в теории уголовного права, уголовного процесса, уголовно-исполнительного права и криминологии. Полагает, что освящать такую концепцию авторитетом Федерального Собрания и Президента РФ не требуется.

Ключевые слова: концепция; уголовная политика; уголовное право; Совет Федерации; Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

22 ноября 2021 г. по инициативе Комитета Совета Федерации РФ и на его площадке проведена научная конференция «О проекте концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации» с участием представителей многих отечественных юридических вузов и научно-исследовательских учреждений. Основным содержанием докладов и выступлений явилась постановка вопроса о необходимости создания проекта концепции уголовной политики как разновидности законодательной деятельности Федерального Собрания Российской Федерации, в которой (кон-

цепции) были бы сформулированы основы уголовно-правовой политики, соблюдение которых стали бы обязательными для принятия соответствующих законов в сфере уголовного права, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права.

Сразу же отметим, что проблема обсуждения Концепции уголовно-правовой политики не только назрела, но и, пожалуй, даже перезрела. Это объясняется в немалой степени и тем, что отечественный законодатель уж очень увлечен конструированием все новых и новых уголовно-правовых норм (преимущественно уголовно-правовых запретов), количество которых превосходит разумные пределы (остроумные СМИ назвали такую деятельность «бешеным принтером» законодателя). Последнее привело к тому (с чем согласны и доктрина, и правоприменение), что Уголовный кодекс утратил **системность** как необходимый его атрибут. Одни нормы стали противоречить другим. Нередко это происходит вследствие «переизбытка» **специальных** уголовно-правовых норм, конкретизирующих **общую** норму (в качестве примера можно привести статьи об ответственности за мошенничество, часть из которых, мягко говоря, не совсем «прижилась» в судебной практике).

В качестве типичного недостатка, вызванного «многочечатанием» уголовно-правовых запретов, можно привести их экономическую обоснованность. Дело в том, что едва ли ни в каждом законе о введении в действие новых уголовно-правовых запретов (в соответствующих пояснительных записках к ним), утверждается, что никаких экономических затрат соответствующие поправки в УК РФ не повлекут. Но так ли это на самом деле? Дополнительная криминализация деяний **всегда**

связана с увеличением нагрузки на суд, на органы, осуществляющие предварительное расследование, оперативно-розыскную деятельность, поддержание государственного обвинения, а следовательно, и с дополнительным финансированием. И если мы не увеличиваем хотя бы штатную численность, например, следственного аппарата, то одновременно серьезно увеличиваем и так совсем не малую нагрузку на следователя (перефразируя название фильма Рязанова, о «бедном» следователе «замолвите слово!»). Таким образом, следует взвешенно подходить к введению уголовно-правовых запретов, просчитывая все, в том числе организационные и финансовые последствия таких изменений (т. е. законодатель при этом всегда должен помнить о финансовой «цене» противодействия преступности, в равной степени стараясь уйти от создания как «дешевой», так и чрезмерно «дорогой» уголовной юстиции).

Однако свое отношение к обсуждению заявленной на конференции проблеме автор намерен обозначить постановкой более общих аспектов обсуждаемой концепции. И первый из них, по нашему мнению, заключается в определении, образно говоря, жанра такого правотворческого акта (на конференции это не обсуждалось вообще). Жанр этот для нашего законодателя новый, которого не существовало ни в советские, ни в досоветские времена. Как нет его аналога и в законодательстве других стран, например европейских (Англия, Германия, Франция), Северной Америки (США, Канада), Южной Америки (Бразилия, Аргентина), Австралии, Африки, Азии, Китая, Японии, Кореи и др.

Для чего, по твердому мнению ее сторонников, необходимо создать и принять такую Концепцию? Да для того (кому это может быть не понятно?), чтобы законодатель, принимая любые изменения того же Уголовного кодекса, всякий раз сверялся с определенными требованиями (нормативами) возможных изменений в УК РФ, в которых указаны **пределы**

возможных изменений. И их источником должна служить предлагаемая Концепция. И если законодатель не учтет их, то предполагается, что законопроект не должен быть принят как противоречащий **тексту** Концепции.

В определенной степени это напоминает соотношение текста Уголовного кодекса союзных республик и текста Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. В той системе законодательных «координат» это было эффективно. Если Основы принимали норму, которая изменяла нормы уголовных кодексов союзных республик, то последние должны были заменить текст своих норм на предписываемую Основами. Вспомним Основы 1958 г. Они, например, установили возраст лица, необходимый для привлечения субъекта к уголовной ответственности, определив его в 14–16 лет. В УК союзных республик он определялся иначе – 12–14 лет. Разумеется, союзные республики выполняли «приказ» и дословно воспроизводили его текст в своих кодексах.

Что из себя представляли Основы? Они формулировали текст (именно и только текст) наиболее важных уголовно-правовых норм, который был обязателен для уголовных кодексов республик. В этом заключалась сила (обязательная) норм одного «этажа» законодательной власти над всеми другими нормами. Во всех других случаях республики не теряли своего права на формулирование и конструирование уголовно-правовых норм, в том числе и запретов (правда, расхождение это касалось менее важных вопросов уголовной ответственности).

Как видно, соотношение Концепции и текста принимаемых в будущем новых уголовно-правовых запретов совсем иное. При этом существует два уровня законодательных текстов: соответствующей Конвенции и действующего УК. Текст предполагаемой Концепции – хотим мы или нет – это все-таки результат доктринального (отраслевого, в данном случае – теории уголовного права) обобщения. Текст Концепции по объему

(если учесть правотворческую практику создания подобных концепций) – довольно пространной, т.е. значительной по своему объему. Но как депутаты Государственной Думы будут использовать текст соответствующей Концепции при разработке и принятии уголовно-правовых норм? Как быть с тем, что любая Концепция предполагает выбор из существующих взглядов на тот или иной вопрос в теории права (в данном случае, уголовного)?

Вспомним по этому поводу недавний опыт. Существовала и существует поныне Концепция о регулировании важнейших для государства и общества проблем в сфере обороны (военная доктрина). Существовал утвержденный Президентом РФ текст такой Концепции (включая политические, финансовые, организационные и любые иные аспекты деятельности Вооруженных Сил РФ). Но пришел министр обороны из совсем другой, невоенной, так сказать, сферы, и возникли проблемы, которые пришлось решать новому министру обороны. Слава Богу, решили. Какова была здесь роль Концепции? Вопрос, разумеется, риторический.

Так что не стоит преувеличивать непосредственно юридическое значение соответствующих концепций. Обратимся к историческому опыту. Вначале неудачному – Временного правительства. Оно очень серьезно относилось к необходимости обновления уголовного законодательства (в первую очередь, для безопасности государства и своей власти). Была даже создана Комиссия по пересмотру и введению в действие нового Уголовного уложения и сформулированы его основные идеи и принципы, его составляющие **концептуальные основы**, т.е. разрабатывалась концепция реформирования уголовного законодательства – вполне приличная даже по нынешним меркам. Верно были определены и «болевы точки» прежнего уголовного законодательства. Путем принятия суровых уголовных законов Временное правительство пыталось предупредить и пресечь погромы анар-

хистски настроенной части народных масс и, в конечном счете, предотвратить приход к власти большевиков. Чем это закончилось, известно.

Власть не располагала ни одним из вариантов исполнения принимаемых ею законов: ни добровольным, ни принудительным. И «грозные» уголовно-правовые нормы превратились в ничего не значащие слова (по Марксу, в «мертвую бумагу»). Большевики же меньше всего занимались проблемами уголовного законодательства и уголовной политики, а буквально подобрали власть. И в дальнейшем они как-то обходились (даже в условиях Гражданской войны) без создания такой концепции. Более двух лет шла интенсивная законотворческая деятельность в сфере уголовного права. И лишь в конце 1919 г. были приняты Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, в которых такая концепция просматривалась, но преимущественно в качестве конкретных уголовно-правовых норм (например, нормы об известной **аналогии** применения таковых). Как известно, появления такой концепции не случилось и за все время существования советского государства^{1,2,3}.

Возвратимся к обсуждаемой Концепции уголовной политики. Увы, в доктрине уголовного права нет единого мнения даже по поводу понятия уголовной политики. Наиболее распространенной является позиция, определяющая уголовную политику в сфере уголовного права как систему любого изменения уголовного законодательства (т.е. связанного с криминализацией и декриминализацией соответствующего деяния). Думается, что здесь явный перебор политизации уголовного законодательства в принципе.

¹ Подробнее см.: *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. 6-е изд. М.: Проспект, 2019. С. 145–147.

² См. также: *Наумов А. В.* Преступление и наказание в истории России. Часть I. Изд. второе. М.: Проспект, 2021. С. 468–471.

³ См. также: *Наумов А. В.* Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть. Историко-филологический и доктринальный (научный) комментарий. М.: Проспект, 2021. С. 4–21.

Возьмем, например, ответственность за убийство. Произошло, допустим, убийство бомжа или банкира. Есть ли здесь политический момент? Нет! Наш УК избежал этого. Политики нет, так как отсутствует главный для политики вопрос – вопрос о власти, о классах, социальных группах.

Возьмем другой пример – совершенные кражи личного имущества. Вариант первый – простая кража (по размеру похищенного), допустим, на сумму свыше 2500 руб. И второй – кража в особо крупном размере (на сумму, превышающую миллион рублей). В обоих случаях политический момент присутствует. Первая норма охраняет бедных, в том числе пенсионеров. А вторая – тех, у кого можно украсть миллион рублей, пенсионеров (обычных) вторая норма как-то не касается.

То есть очевидно, что некоторые уголовно-правовые нормы об ответственности, например, за экономические преступления защищают интересы одних социально-классовых групп, а другие – иных. Однако такие случаи не должны возвращать нас к старому, когда социально-классовый характер уголовного права объявлялся основополагающим началом уголовного права и уголовной политики.

Хотя Концепция уголовной политики нужна, но не в качестве уголовного закона (да и вообще закона), а в другой форме – **доктринальной** (как концентрированное обобщение научных взглядов на понятие, пределы и основания уголовной ответственности в теории уголовного права, уголовного процесса, уголовно-исполнительного права и криминологии). И освящать его авторитетом Федерального Собрания и Президента РФ не требуется. Не тот, как я уже отметил, жанр.

И последнее. Меня, большую часть своей – не короткой! – жизни проработавшего преподавателем вуза, конечно, радует, что Совет Федерации привлёк внимание юридической, как говорят, общественности к вопросу, который я каждый год обсуждаю со своими студентами на семинарских занятиях (поверьте, что уровень дискуссии на нем всегда приличный). Смущает меня другое. Неужели эта проблема так злободневна для законодателя? Именно сейчас, когда требуется реализовать решение задач, стоящих перед государством, хотя бы в области экономики, во времена пресловутых санкций, да еще в связи с обрушившейся на мир (как и на нас также) пандемией? И этот вопрос считаю риторическим...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. 6-е изд. М.: Проспект, 2019.
 Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России. Часть I. Изд. второе. М.: Проспект, 2021.
 Наумов А. В. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть. Историко-филологический и доктринальный (научный) комментарий. М.: Проспект, 2021.

NAUMOV Anatoly Valentinovich,

Chief Researcher of the Research Institute of the University at the Prosecution Service of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (yasenaum34@mail.ru)

The concept of criminal law policy: legislative or doctrinal option?

Abstract. Analyzing the proposals discussed at the scientific conference «On the draft concept of criminal law policy of the Russian Federation» organized by the Federation Council of the Russian Federation, the author reaches the conclusion that the concept of criminal policy is needed, but not as the criminal law (and the law in general), but in another form – a doctrinal one, as a concentrated and generalized scientific views on the concept, scope and grounds of criminal liability in the theory of

criminal law, criminal procedure, penal law and criminology. He believes that there is no need to sanctify such a concept with the authority of the Federal Assembly and the President of the Russian Federation..

Keywords: concept; criminal policy; criminal law; Federation Council; Fundamentals of criminal legislation of the USSR and the Union Republics.

Ссылка для цитирования статьи:

Наумов А. В. Концепция уголовно-правовой политики: законодательный или доктринальный вариант? // Уголовное право. 2022. № 3. С. 25–29.